

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.2>

Багаутдинова Гульзада Гадульяновна

РИТМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ В "СЛУГАХ СТАРОГО ВЕКА" И. А. ГОНЧАРОВА

Цель статьи заключается в исследовании некоторых ритмообразующих принципов в "Слугах старого века" И. А. Гончарова в контексте творчества писателя. Автор выявляет приемы, характерные для "ритмической прозы" и "орнаментальной прозы". Наиболее частотными факторами ритмообразования являются перечисления однородных членов предложения, сопровождаемые звуковыми повторами, и синтаксические конструкции, соотносящиеся друг с другом по принципу антитезы. В этом произведении просматривается определенная тенденция: Гончаров создает при помощи "ритмической прозы" не только четко выстроенную структуру произведения, но и весьма активно использует приемы, характерные для "орнаментальной прозы", художественно украшенной, эстетически изящной прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Подводя итоги, необходимо отметить, что созданный Айхенвальдом «силуэт» Жуковского обнаружил характерную тенденцию восприятия поэта в русской словесности рубежа XIX-XX вв. – противопоставление его биографического и литературного обликов. Этот вектор рецепции русского балладника в новую эпоху был поддержан и спровоцировал активное развитие не только литературной, но и биографической «мифологии» поэта в первой половине XX в.

Список источников

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
2. Бахрах А. Бунин в халате. М.: Согласие, 2000. 244 с.
3. Голлербах Э. Искусство силуэта [Электронный ресурс]. URL: <http://silverage.ru/siluet/> (дата обращения: 02.03.2018).
4. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки рус. лит., 1999. Т. 1. 760 с.
5. Зуев Д. В. «Имманентная критика» Ю. И. Айхенвальда доэмигрантского периода: проблема писателя и читателя: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 28 с.
6. Кошелев В. А. Своеобразие творческих взаимоотношений Жуковского и Батюшкова // Жуковский и литература конца XVIII – XIX века / отв. ред. В. Ю. Троицкий. М.: Наука, 1988. С. 170-193.
7. Крейд В. О Юлии Айхенвальде // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 5-12.
8. Крылов В. Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 267 с.
9. Морыганов А. Ю. Принцип «сжатия» в «Силуэтах русских писателей» Ю. И. Айхенвальда // Творчество писателя и литературный процесс. Слово в художественной литературе, стиль, дискурс: межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. Ракова. Иваново, 1999. С. 5-14.
10. Подковыркин П. Ф. Романтическое состязание К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского (к постановке проблемы) // Проблемы метода и жанра / отв. ред. Ф. З. Канунова. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Вып. 18. С. 12-19.
11. Рейтблат А. «Подколотный эстет» с мягкой душой и твердыми правилами: Юлий Айхенвальд на родине и в эмиграции // Евреи в культуре русского зарубежья / сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 35-54.
12. Степун Ф. А. Памяти Ю. И. Айхенвальда // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 13-15.
13. Чуковский К. И. О короткомыслии // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Агентство ФТМ, 2012. Т. 6. С. 534-539.

V. A. ZHUKOVSKY'S "SILHOUETTE" IN THE CRITICISM OF YU. I. AIKHENVALD

*Anisimova Evgeniya Evgen'evna, Doctor in Philology
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
eanisimova@sfu-kras.ru*

The article examines the receptive strategy of mastering the poetry and biography of V. A. Zhukovsky in "Silhouettes of the Russian Writers" by Yu. I. Aikhenvald. As shown in the paper, the key dichotomy of the Russian history and literature in the creative consciousness of the critic is the opposition of the traveler and the stay-at-home, most clearly expressed in Zhukovsky's poem "Theon and Aeschines". According to Aikhenvald, the poet could not overcome the internal settled way of life, but he formulated this "painful point" of the Russian culture and opened its poetic reflection.

Key words and phrases: V. A. Zhukovsky; A. I. Aikhenvald; literary criticism; literary portrait; reception.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 12.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.2>

Цель статьи заключается в исследовании некоторых ритмообразующих принципов в «Слугах старого века» И. А. Гончарова в контексте творчества писателя. Автор выявляет приемы, характерные для «ритмической прозы» и «орнаментальной прозы». Наиболее частотными факторами ритмообразования являются перечисления однородных членов предложения, сопровождаемые звуковыми повторами, и синтаксические конструкции, соотносящиеся друг с другом по принципу антитезы. В этом произведении просматривается определенная тенденция: Гончаров создает при помощи «ритмической прозы» не только четко выстроенную структуру произведения, но и весьма активно использует приемы, характерные для «орнаментальной прозы», художественно украшенной, эстетически изящной прозы.

Ключевые слова и фразы: Гончаров; ритмическая проза; орнаментальная проза; риторические фигуры; ритмообразующие принципы.

Багаутдинова Гульзада Гадульяновна, к. филол. н., доцент
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
gbagautdinova@yandex.ru

РИТМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ В «СЛУГАХ СТАРОГО ВЕКА» И. А. ГОНЧАРОВА

Ритмом называется закономерное, периодическое повторение каких-либо компонентов художественного текста через определенные интервалы [5]. Для его возникновения необходимо, чтобы ритмические звенья

повторились в тексте не менее трех раз. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько разновидностей ритмически организованной прозы: ритм художественной прозы [6; 16], «ритмическая проза» [9], «орнаментальная проза» [11; 12] и метризованная (рифмованная) проза [13].

К изучению ритмической организации прозы И. А. Гончарова литературоведы обратились сравнительно недавно – в начале XXI века [14]. Цель этой статьи состоит в выявлении некоторых ритмообразующих принципов в «Слугах старого века» (1888) Гончарова на уровне лексики, фонетики и грамматики.

Лексико-звуковые и грамматические повторы являются ритмообразующими приемами, присущими «ритмической прозе». По мнению основоположника теории ритмической прозы В. М. Жирмунского, ее основу создают различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, образующие композиционный остов [9]. Синтаксический параллелизм («высший уровень») поддерживается звуковыми и лексико-грамматическими повторами («низший уровень») в создании ритмической прозы.

Обратимся к «низшему уровню» в организации «ритмической прозы». Как и во многих художественных произведениях [1-4] Гончарова, ритмизация в «Слугах старого века» создается перечислением однородных членов предложения: **подлежащих** (*жандармы, казаки, полиция; ветчина, колбаса, пирожок; вещи, чемодан, платье, белье; «хлеб», «свечи», «мило»; чемоданы, картонки, корзинки, узлы; подсвечники, лампы, посуда; письма, пакеты, бумаги*); **сказуемых** (*ходил, ступал, убирал, приносил, складывал; пошел, позвенел, принес; перестает, ходит, мелет вздор, приходит в себя, принимает; уберем, снимем, сотрем; сидел, жестикулировал, командовал; бить, ломать, терять; бегают, скачет, ловит; достал, вымыл, смел; посмотрел, вздохнул, поставил; протопливать, варить, кушать; заметит, достанет, подложит; плакал, твердил, просил; отыскивали, нашли, дали; снимем, откроем, пустим; женился, открыл, приходил; вскочил, прыгал, смотрел; напал, ругался, сбил, старался схватить; взял, вышел, вошел; подумали, бросили, скрылись; пришел в себя, намочил, оделся, ждал; говорил, заплакал, стал на колени; намочили, раздели, уложили*); **дополнений** (*цитюфы, бутылки, тарелки; с пирогом, ветчиной, колбасой, огурцами; ногами, ртом, глазами; сласти, яблоки, изюм; полотенца, платки, тряпки; пакеты, письма, газеты; щеками, носом, подбородком; шуб, платьев, пальто, салонов, мантилий; постель, тюфяк, подушки, одеяло, кацавейку; мешки, плед, вещи; уголь, свечи, чай, сахар; стульям, столам, диванам; белье, вещи; сахару, чаю, дров; бархьями, бельем, вещами; охраны, благоустроенности, порядка*); **определений** (*женских, офицерских, лисьих, бархатных; добрый, славный, честный, смешной*).

Таким образом, наиболее частотными ритмообразующими средствами в «Слугах старого века» являются перечисления однородных сказуемых и дополнений. Подлежащие и дополнения – имена существительные, семантика которых связана с описанием интерьера, портрета, одежды, еды, домашней утвари, то есть изображением бытовой жизни человека. Определения выражены преимущественно качественными и притяжательными именами прилагательными, описывающими одежду человека и изображающими его характер. Сказуемые представляют собой глаголы, обозначающие активные действия человека, как правило, его передвижения, бытовые действия. Кроме того, некоторые глаголы показывают эмоциональное состояние человека.

Перечисление однородных членов предложений сопровождается лексико-звуковыми повторами, что усиливает ритмизацию того или иного фрагмента. В «Слугах старого века» прослеживается несколько разновидностей подобных повторов:

1. Аллитерации и ассонансы: «Именины сегодня Антона Тихоньча! – сказал один пьяным, сладеньким голоском. – Мы и собрались... проздравить... – Пирожок... пирожок... принесли! – старался другой выговорить твердо, но ему не удавалось» [7, с. 150]. Звуковая «плетенка» создается неоднократными повторениями одних и тех же звуков и их сочетаниями: [н], [пр], [с], [м], [о], [а], [и].

2. Троекратное повторение однородных членов предложения, сопровождаемое звуковыми повторами частиц «то», союзом «и» и предлогами «в», «на», – все это создает градацию: *в комоды, шкафы, в карманы; в залу, в кабинет, в спальню; на стульях, на табуретке, на скамье; на горничной, на кухарке, на лакее; то родительская суббота придет, то троицын, духов или усеньев день; и в лазареву субботу, и в лазарево воскресенье, и ко всенощной с двенадцатью евангелиями; и положить, и затопить, и убрать*.

«Высший» уровень ритмической прозы – синтаксический параллелизм – создается в «Слугах старого века» различными конструкциями:

а) параллелизм простых предложений, сопровождаемый анафорическими повторами. Соотносятся по схеме: подлежащее, выраженное личным местоимением «я» (анафора) + сказуемые (глаголы), однородные сказуемые. Например: я + взял // я + жил // я + поднимался, позвонил // я + тронул // я + вошел // я + отворил и ахнул [Там же, с. 152]. Синтаксическим повторам сопутствует лексический повтор слова «ахнул»: «Я взял со стола свечку, вышел в переднюю и второй раз ахнул, вошел в залу, в кабинет, в спальню – и все ахал и ахал» [Там же]. Или: он вступил // он поплатился // он оправился // он жил // он снарядил // он не допустил // он достал // он прибавил [Там же]. Подобные примеры можно умножить: я проплавал // я писал // я получил // я позвонил // я ахнул // я просил // я встал // я всплеснул [Там же, с. 188-189];

б) придаточные предложения в составе сложного предложения: «Он является в разные моменты их жизни: когда, например, они хотят замаскировать мысль, чувство, секретное желание или намерение, / или когда им говорят о каком-нибудь чужом грешке, который и за ними водится, / или когда надо выразить кому-нибудь участие, а участия нет и т.д.» [Там же, с. 153]. Ритмизация фрагмента ощущается отчетливее, так как придаточные предложения сопровождаются анафорическими повторами союзов «или» и «когда», затем следуют сказуемые (*хотят замаскировать; говорят; надо выразить*) и дополнения. Гончаров создает сложный ритмический рисунок: соразмерность предложений ощущается отчетливее благодаря анафоре, однородным членам предложения (*мысль, чувство, секретное желание, намерение*).

В «Слугах старого века» прослеживается тенденция соединения в пределах небольшого контекста нескольких ритмообразующих факторов, присущих разным типам ритмически организованной прозы: если обратиться к последнему предложению фрагмента, то обращает на себя внимание каламбур со словом «участие», который образует хиазм (надо *выразить участие, а участия нет*). Смысловая плетенка присуща «орнаментальной прозе»;

в) еще в «Лихой болести» [1] ритмизация осуществлялась на уровне сложного синтаксического целого: сочетаний нескольких предложений, объединенных общей темой (микротемой), смысловым и синтаксическим единством. Эта же тенденция проявляется и в позднем творчестве писателя, в «Слугах старого века». Например, рассмотрим фрагмент, в котором Гончаров рассуждает о том, почему он не обращался в своем творчестве к крестьянской теме. Все предложения в этом периоде связаны размышлениями писателя о своем незнании жизни простого народа (тематическое единство).

В этом сложном синтаксическом целом выделяются зачин, развитие темы и концовка. Зачин: «Простой народ, то есть крестьян, земледельцев, я видал за их работами мимоездом...» [7, с. 126]. Затем следует описание простого русского народа и крестьян из разных стран. Синтаксически предложения построены одинаково и ритмически соизмеримы:

1. Анафорический зачин «видал» или «видал» + союз *как* + сказ. + подл.: *видал, как идут* за плугом наши мужики... // *видал, как в Германии... крестьяне пахут...*

2. Анафора «видал» + однородные дополнения: *видал работающих в полях негров, индейцев, китайцев // видал наших сибирских инородцев, якутов, бурят...*

Затем следует вывод, концовка: «Следовательно, описывать или изображать крестьян было бы с моей стороны претензией, которая сразу обнаружила бы мою несостоятельность» [Там же];

г) во многих произведениях Гончарова, особенно в «Счастливой ошибке» [3], ритм создается при помощи предложений, образованных по принципу антитетического параллелизма, – друг с другом соотносятся тождественные синтаксические конструкции, но с противоположной семантикой. Подобная частотность позволяет говорить о закономерности данного ритмообразующего фактора в структуре произведений писателя. Например: «*Тяжелые фолианты* грудой навалил на *хрупкую этажерку*, назначенную для фарфора и разных *хрупких* вещей: она гнулась под *тяжестью книг*. А *легкие вещи*, между прочим статуэтки, пресси-папье, занес на *шкаф*»; «...очень удивился, когда я велел сию же минуту сделать все наоборот: снять *книги с легкой этажерки* и *поставить* опять на *шкафы*, а *легкие вещи* опять *разложит* на столе» [7, с. 174].

Друг с другом соотносятся предложения по принципу антитезы на уровне синтаксиса: вторые предложения начинаются с сочинительного противительного союза «а». Антитеза проявляется и на уровне семантики: разумные действия Гончарова-господина противопоставлены бестолковым действиям слуги. Тождественность конструкций определяется и лексикой: неоднократно повторяются лексемы-антонимы: фолианты – фарфор; тяжелые – хрупкую; поставить – разложить; этажерка – шкаф. Соизмеримость создают синонимы (хрупкие – легкие; фолианты – книги) и вариации однокоренных слов: тяжелые – тяжестью. Тавтологическое употребление слов и словосочетаний *хрупких, легкие вещи, шкафы* служит источником ритмизации «орнаментальной прозы», разнообразие в ритмический рисунок вносят и уточняющие конструкции: *статуэтки, пресси-папье*.

Или: «Только что *расхохочешься* невольно, глядя на его *ужимки, прыжки, улыбку с обнаженными деснами*, // как вдруг *сердце сожмется от боли*, когда он *прервет* свою речь *тяжелым вздохом* и *закроет потухшие глаза*» [Там же, с. 175]. Антитезу образуют однородные сказуемые *расхохочешься // сердце сожмется от боли / прервет / закроет /*, дополнения и определения с противоположной семантикой: *ужимки / прыжки / улыбку // тяжелым вздохом, потухшие глаза*. Эти лексемы соотносятся как слова с противоположным значением лишь контекстуально.

Основным художественным приемом в создании образа Матвея является противопоставление: «Это были какие-то шаловливые, почти ребяческие выходки, // но они мгновенно, гальванически, пробуждали *тлеющую в больном теле искру жизни* и тоже превращали этот *ходячий труп* / – в *живое, прыгающее, скачущее, как обезьяна, существо*» [Там же, с. 179]. Ритмический контраст образуется лексически (антонимами) и синтаксически (сложносочиненное противительное предложение).

Своеобразие ритмической организации «Слуг старого века» Гончарова состоит в том, что в качестве ритмообразующих факторов выступают риторические фигуры – приемы, создающие преимущественно «орнаментальную прозу».

1. **Эпаналепсис:** «Ну-у! – протяжно и нерешительно протестовала она *загадочным* тоном, глядя не на меня, а куда-то в пространство, с *загадочной* улыбкой и с *загадочным* же взглядом» [Там же, с. 153]. Весьма примечательной особенностью ритма является то, что Гончаров соединяет даже в пределах небольшого фрагмента несколько ритмообразующих факторов: в данном предложении эпаналепсис сопровождается однородными членами предложения – *тоном, улыбкой, взглядом*.

2. **Эпифора и стык:** «Это у нас в селе был дьякон *Еремей...* – начал он с передышкой. – Он не *Еремей*, а отец Никита, да его прозвали *Еремеем*» [Там же, с. 135]. Предложение замыкает одно и то же слово «Еремей», образуя эпифору. Имя Еремей «подхватывается» в начале второго предложения, таким образом создается риторическая фигура стыка, или подхвата. Лексически украшенные повторы сопровождаются звуковыми: [а], [о], [е], [н], [п], [л].

3. **Кольцо:** «Это называется праздник, *святая неделя! Святая!* Вот уж, что называется, «*святых вон выноси!*»! – думал я злобно, даже, кажется, зубы *сами невольно скрежетали у меня*» [Там же, с. 152].

Вариация со словом «святая» создает несколько типов ритмообразующих повторов, характерных для ритмической и орнаментальной прозы. Образуется каламбур: в святую неделю были совершены не святые поступки – слуга Антон напился, а его товарищи учинили беспорядок в квартире автора. Кроме того, анафоро-эпифорическое словоупотребление лексемы «святая» создает риторическую фигуру кольца. Лексические повторы сопровождаются аллитерациями и ассонансами: [а], [о], [м], [д], [ж], [з], [л].

4. Хиазм. Важной ритмической особенностью «Слуг старого века» и «Обыкновенной истории» Гончарова, не наблюдавшейся в ранних повестях, является параллелизм конструкций, построенных в виде хиазма. Это – стилистическая фигура, в которой смежные предложения построены по типу синтаксического параллелизма, но второе предложение (или сочетание) строится в обратной последовательности слов или их сочетаний [10]. Например: «Если *дьякон не понимал*, это еще не причина, чтобы *я не понимал*...» [7, с. 136]. «Взглядывая иногда мельком в эти счеты – *я не мог воздержаться от улыбки от его орфографии, а он принимал эту улыбку за одобрение и тоже улыбался от удовольствия*» [Там же, с. 178]. «Нынче *курица* – и та *пьет-с*... Да, если бы *пить* только то, что *пьет курица*...» [Там же, с. 147]. В этом предложении звучит горькая интонация автора, поскольку в «Слугах старого века» Гончаров обращается к важной социальной проблеме – пьянству среди слуг.

Таким образом, особенностью ритмической организации «Слуг старого века» И. А. Гончарова является использование ритмообразующих средств, присущих «ритмической прозе» и «орнаментальной прозе». На первый взгляд, создается впечатление, что доминируют звуковые и синтаксические повторы, то есть элементы, создающие «ритмическую прозу». Наиболее частотными ритмообразующими приемами являются перечисления однородных членов предложения и синтаксические конструкции, соотносящиеся по принципу антитезы: антитетический параллелизм и хиазм (хиатус). Причудливо созданные синтаксические предложения (хиазм, кольцо), лексические повторы (каламбур, эпаналепсис, эпифора, стык) являются взаимосвязанными друг с другом и контекстуально взаимозависимыми, так как лексические повторы во многом образуют изысканные синтаксические конструкции. Все эти повторы, отступающие от общепринятой грамматической и стилистической нормы, создают эффект «орнаментальной прозы» – намеренно художественно-ритмизованной, украшенной речи.

Список источников

1. Багаудинова Г. Г. Ритмообразующие факторы в повести И. А. Гончарова «Лихая болезнь» // Материалы V Международной науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: сб. статей русских и зарубежных авторов. Ульяновск, 2012. С. 74-81.
2. Багаудинова Г. Г. Факторы ритмической прозы в очерке И. А. Гончарова «Пепиньерка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). Ч. 2. С. 12-14.
3. Багаудинова Г. Г. Факторы ритмической прозы в повести И. А. Гончарова «Счастливая ошибка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68). Ч. 2. С. 10-12.
4. Багаудинова Г. Г., Радыгин И. С. Ритм художественной прозы в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 87-90.
5. Гаспаров М. Л. Ритм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стлб. 875.
6. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 366 с.
7. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Худож. лит-ра, 1980. Т. 7. 462 с.
8. Гузь Н. А. Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4. С. 3-6.
9. Жирмунский В. М. Теория стиха. М.: Советский писатель, 1975. 664 с.
10. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
11. Кожевникова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 55-66.
12. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
13. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М.: Изд-во РГГУ, 2002. 200 с.
14. Пырков И. В. Ритмическая организация романа И. А. Гончарова «Обломов»: дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006. 149 с.
15. Пырков И. В. Ритмический аспект мотива прощания в романе И. А. Гончарова «Обломов» и в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»: опыт нового прочтения // Litera. 2017. № 2. С. 20-35.
16. Фортунатов Н. М. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 173-186.

RHYTHM-FORMING PRINCIPLES IN I. A. GONCHAROV'S "SLUGI STAROGO VEKA" ("SERVANTS OF THE OLD TIMES")

Bagautdinova Gul'zada Gadul'yanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mari State University, Yoshkar-Ola
gbagautdinova@yandex.ru

The objective of the article is to study some rhythm-forming principles in I. A. Goncharov's "Servants of the Old Times" in the context of the writer's creative work. The author reveals the techniques typical of "rhythmic prose" and "ornamental prose". The most frequent factors of rhythm formation are enumerations of homogeneous members of the sentence, accompanied by sound repeats, and syntactic constructions that relate to one another according to the principle of antithesis. There is a certain tendency in this work: with the help of "rhythmic prose" Goncharov creates not only a clearly built structure of the work, but also actively uses techniques typical of "ornamental prose", an artistically decorated, aesthetically elegant prose.

Key words and phrases: Goncharov; rhythmic prose; ornamental prose; rhetorical figures; rhythm-forming principles.